

МАТЬ ДРАКОНОВ

Подчинись или сгни

ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

Юлий Люцифер Мать драконов: Подчинись или сгни

<https://litres.ru/74221107>

Аннотация

Я — последняя Хранительница, чья кровь способна оживить окаменевшие сердца драконов. Моя судьба была предрешена на аукционе рабов, где меня купил ОН. Арканар — Черный Лорд, чье пламя способно сжигать города, а взгляд — лишать воли.

Он не ищет любви. Ему нужен наследник и моя магия. Он запер меня в своем замке на краю вулкана и поставил ультиматум: «Подчинись или сгни». Но он не учел одного: зов истинности — это обоюдоострый меч. И очень скоро этот властный зверь поймет, что готов сам сгореть в моей постели, лишь бы я подарила ему еще один взгляд... и еще одну ночь.

Вас ждут:

Невероятно мощный и собственнический герой;

Героиня с характером и редким даром;

Истинная связь, от которой плавится воздух;

Много магии, полетов и откровенных сцен (18+).

Содержание

Глава 1. Проданная огню	4
Глава 2. Черный Лорд	19
Глава 3. Замок на краю вулкана	35
Глава 4. Подчинись или сгни	50
Глава 5. Кровь Хранительницы	68
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1. Проданная огню

Меня продавали в тишине.

Не в той тишине, где бывает благородство. И не в той, где люди стыдятся происходящего. Нет. Это была дорогая, сытая, спокойная тишина тех, кто давно привык покупать чужие жизни так же легко, как редкое вино, оружие или породистого зверя.

Я стояла босиком на черном каменном круге в центре зала и чувствовала, как ледяной пол жжет ступни сильнее, чем раскаленное железо. На мне было тонкое светлое платье, слишком прозрачное, чтобы оставить мне достоинство, и слишком длинное, чтобы я могла свободно двигаться. Руки сковывала цепь из темного металла, напитанного подавляющей магией. Не простой. Такой, что гасит искру в крови и делает любое сопротивление мучительным.

Надо мной поднимались ряды лож с темными бархатными портьерами. В них сидели те, кому не нужно было показывать лица. Мужчины. Иногда женщины. Лорды, торговцы, маги, хозяева земель, коллекционеры редкой силы и человеческой боли. Я не видела их отчетливо, только золото перстней, отблеск бокалов, темные силуэты и то мерзкое ощущение, которое появляется, когда на тебя смотрят не как на человека, а как на товар.

— Перед вами последний лот сегодняшней ночи, — раз-

неся по залу голос аукциониста, гладкий и липкий, как масло на лезвии. — Последняя живая Хранительница из старорода. Чистая кровь. Неиспорченная печатями брака. Способна пробуждать драконьи узлы, усиливать наследную линию и участвовать в ритуалах оживления сердца рода.

По залу прошел низкий гул. Меня затошнило. Не от страха даже. От того, как спокойно он говорил о моей крови, моем теле, моей девственности и моем даре, словно перечислял преимущества породистой кобылицы.

Хранительница. Когда-то это слово звучало иначе. Когда-то оно означало власть, тайну, древнее служение, от которого зависели судьбы крылатых кланов. Когда-то женщин моего рода приглашали в замки с почестями. Нас боялись. Нас берегли. Нас не касались без разрешения.

Потом драконы начали умирать.

Не сразу. Не так, чтобы мир рухнул за ночь. Сначала это выглядело как ослабление старых линий, как вырождение пламени, как пустые кладки и все более холодные сердца в мужских грудях. Потом великие кланы стали терять силу, один за другим. А потом кто-то очень умный понял, что кровь Хранительниц — не легенда. Что ею можно не только исцелять, но и покупать себе власть.

После этого нас начали не звать. Нас начали ловить.

Я подняла голову и посмотрела прямо на аукциониста. Он был старым, с узким лицом и острыми белыми зубами, которые слишком часто мелькали в улыбке. Его плащ переливал-

ся багровым шелком, а пальцы были украшены перстнями с печатями трех домов сразу. Значит, под защитой. Значит, хорошо подготовился. Значит, и сам понимал, кого именно выводит сегодня на продажу.

— Посмотрите, какая редкость, — продолжил он, подходя ко мне ближе. — Дикая. Гордая. Еще не сломанная. Такие стоят дороже всего.

Он коснулся моих волос. Я дернулась так резко, что цепь врезалась в запястья, а в ладонях вспыхнула боль. По залу прошел смешок.

— Не трогай меня, — сказала я тихо.

Он улыбнулся шире.

— Видите? С характером. Мужчинам такого уровня это обычно нравится.

Я плюнула ему в лицо. Не красиво. Не театрально. По-настоящему.

В зале на секунду стало тихо. Потом кто-то рассмеялся. Несколько голосов одобрительно загудели. Кто-то, наоборот, недовольно цокнул языком. Я не смотрела по сторонам. Только на аукциониста, медленно стиравшего слюну с щеки белоснежным платком.

— Ну что ж, — сказал он почти ласково. — Тогда цена за эту ночь будет еще выше.

Он отступил на шаг.

— Начнем торги с пятисот тысяч золотых марок и двух ритуальных кристаллов класса Аур.

Голоса посыпались сразу. Спокойно. Деловито. Почти лениво.

— Шестьсот.

— Семьсот.

— Семьсот пятьдесят и три кристалла.

— Восемьсот.

— Девятьсот.

Я стояла неподвижно и чувствовала, как внутри меня медленно поднимается холод. Не тот, что приходит от страха. Тот, что появляется, когда боль становится слишком большой и вдруг превращается в ясность.

Вот оно. Конец. Не моего рода — его убивали медленно и давно. Не моей силы — пока я дышала, кровь Хранительницы все еще была со мной. Конец иллюзии, что я каким-то чудом вырвусь до того, как меня выставят на продажу.

Меня действительно продавали. Здесь. Сейчас. За золото, кристаллы и мужскую возможность еще немного продлить умирание своего драконьего рода.

— Один миллион, — лениво произнес чей-то голос из ложи слева.

Гул в зале изменился. Это уже была серьезная ставка. Не игра. Не разогрев. Мужчина, который сказал это, либо очень богат, либо очень отчаян.

— Один миллион сто, — сразу ответили сверху.

— Один миллион триста.

— Полтора.

Я смотрела в пустоту между ложами и думала только об одном: не дать им увидеть страх. Это все, что у меня еще оставалось. Не сила — цепи глушили магию слишком глубоко. Не свобода — дверь за сценой охраняли трое. Не надежда — ею я уже успела захлебнуться за те недели, пока меня везли через три города и две границы, скрывая в закрытых экипажах и ночных караванах. Только лицо. Только осанка. Только право стоять так, будто даже сейчас никто из них не купит меня целиком.

— Два миллиона, — раздалось справа.

На этот раз в зале действительно стало тише.

Я медленно перевела взгляд в ту сторону. Ложа была затенена сильнее остальных. Ни лица. Ни силуэта. Только широкая мужская фигура в глубине, слишком неподвижная для человека, который только что сделал такую ставку.

По спине прошел холодок. Не от суммы. От ощущения. Как будто этот мужчина не участвовал в торгах. Как будто он просто пришел забрать то, что уже заранее считал своим.

Аукционист тоже это почувствовал. Я увидела по тому, как изменился его тон.

— Два миллиона золотых марок от восточной ложи. Есть ли больше?

— Два миллиона триста, — бросили сверху.

— Два миллиона пятьсот.

Снова тот же голос. Низкий. Ровный. Без усилия.

И вот теперь я поняла, что зал реагирует не только на

деньги. На него. Некоторые мужчины замолчали. Кто-то перестал поднимать цену. Две ложки справа вообще больше не подавали признаков жизни. Даже аукционист заговорил осторожнее, чем секунду назад. Значит, боятся. Интересно. Очень.

— Два миллиона пятьсот. Есть ли больше? — спросил аукционист.

Пауза. Тишина.

Потом откуда-то с верхнего ряда прозвучало:

— Три миллиона.

По залу прошел приглушенный шепот. Аукционист облизнул губы.

— Прекрасно. Три миллиона за последнюю Хранительницу. Есть ли...

— Пять.

Не “пять миллионов”. Просто “пять”. И этого хватило.

Потому что в зале сразу стало мертво тихо.

Я не видела его лица. Только фигуру в тени. И все же у меня почему-то в животе медленно сжалось что-то тяжелое, почти животное. Не страх. Инстинкт. Так звери чувствуют другого зверя, который стоит выше в пищевой цепи.

Никто больше не заговорил.

Аукционист нервно рассмеялся.

— Пять миллионов золотых марок от... нашего уважаемого гостя. Есть ли ставка выше?

Ничего.

— Пять миллионов... раз.

Тишина.

— Пять миллионов... два.

Я впервые по-настоящему захотела увидеть его лицо. Поэтому что теперь уже было ясно: этот мужчина не торговался за силу, как остальные. Он не покупал возможность продлить род красивой редкостью. Он пришел за мной так, будто никакой другой исход не рассматривался с самого начала.

— Пять миллионов... три. Продано.

Удар молотка прозвучал слишком громко. Как приговор. Как закрывающаяся дверь. Как хруст чужой воли над моей жизнью.

В зале кто-то заплодировал. Кто-то хмыкнул. Кто-то заговорил быстрее, будто опасное напряжение наконец спало и можно снова вернуться к вину, ставкам и чужой судьбе как к развлечению. Я же смотрела только в темную ложу.

Мужчина встал.

Высокий. Слишком высокий даже на расстоянии.

И когда он вышел из тени, я впервые увидела его лицо.

Черные волосы, тяжелые до плеч. Темные глаза, от которых у меня по позвоночнику прошел инстинктивный холод. Резкие скулы. Жесткий рот. И то выражение абсолютной, почти нечеловеческой внутренней власти, которое бывает только у мужчин, рожденных не просто командовать — уничтожать чужую волю одним взглядом.

Арканар.

Я не знала его лично. Но знала имя.

Черный Лорд. Дракон, чье пламя способно сжигать города. Мужчина, о котором в моем мире говорили только шепотом. Тот, кого боялись даже свои. Тот, кого ненавидели враги. Тот, о ком женщины либо мечтали, либо молились никогда не оказаться рядом.

Проклятье.

Если бы меня купил кто-то другой, возможно, я еще оставила бы себе жалкий шанс на побег, на торг, на ошибку охраны, на чужую слабость. Арканар не выглядел мужчиной, который ошибается в том, что уже решил взять.

Он спустился к каменному кругу медленно. Без охраны. Без суеты. Без попытки произвести впечатление. Ему это не требовалось. Впечатление уже шло впереди него, как жар.

Аукционист почти согнулся в подобии поклона.

— Мой лорд, ваш выбор, как всегда, безупречен.

Арканар даже не посмотрел на него. Его взгляд был на мне. Сначала на лице. Потом ниже — на цепях, на моих руках, на босых ногах, на тонком платье, которое явно подбирали люди с расчетом унижить, а не просто показать товар. И только после этого он заговорил.

— Сними с нее это.

Низкий голос. Ровный. Без лишней громкости.

Но аукционист вздрогнул так, будто на него уже рывкнули.

— Разумеется, мой лорд...

Он шагнул ко мне с ключом от цепей, но я отступила рань-

ше, чем он успел коснуться запястий. Арканар увидел это. Конечно. И в его глазах мелькнуло что-то очень короткое. Не улыбка. Интерес.

— Я сказала, не трогай меня, — произнесла я холодно.

Аукционист побледнел и посмотрел на Арканара так, будто ждал немедленного разрешения наказать меня за дерзость.

Арканар молчал.

Потом медленно подошел сам.

Вот тогда я и поняла, что раньше еще не боялась по-настоящему. Потому что страх — это не когда на тебя смотрят похотливо, жадно или жестоко. Страх — это когда мужчина подходит медленно, спокойно, без малейшего сомнения, что ты не сможешь его остановить.

Он остановился вплотную. Слишком близко.

Я почувствовала запах дыма, кожи и чего-то горячего, почти металлического, как воздух перед ударом молнии.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Я не хотела. Правда.

Но тело предало раньше гордости. Я подняла голову.

Глаза Арканара были не просто темными. В них было что-то древнее. Почти звериное. Та глубина, в которой человек уже не может быть до конца человеком, потому что слишком давно привык жить в теле существа, способного сжигать целые земли одним своим гневом.

— Ты пойдешь со мной, — сказал он.

Не вопрос. Не предложение. Не угроза.

Хуже. Констатация.

Я стиснула зубы.

— Лучше убей меня.

Уголок его рта чуть дрогнул.

— Если бы я хотел мертвую Хранительницу, я бы не заплатил за тебя пять миллионов.

— Значит, зря потратился.

Он смотрел на меня еще секунду. Две. Потом поднял руку.

Я дернулась, ожидая, что он схватит за подбородок, шею или волосы — как это любят мужчины, уверенные, что уже купили себе право на чужое тело.

Но он не сделал ничего такого.

Он просто взял ключ из пальцев аукциониста и сам растегнул цепь на моих запястьях. Одно кольцо. Второе. Темный металл с тихим звоном упал на камень.

Я уставилась на свои руки, не сразу понимая, почему именно это вдруг оказалось почти страшнее насилия.

Потому что он не рвал. Не ломал. Не унижал на глазах у всех.

Он просто снял с меня цепь так, будто дальше она ему уже не нужна.

И в этом было нечто бесконечно более опасное, чем грубость.

— Ты принадлежишь мне, — произнес Арканар так тихо,

что это слышала только я.

Во мне вспыхнула ярость. Я подняла голову и сказала так же тихо:

— Никогда.

Он смотрел прямо в глаза.

И впервые за весь этот кошмар я увидела в мужчине не только силу. Отголосок зверя.

— Посмотрим, Хранительница, — ответил он.

Потом снял с себя плащ и набросил мне на плечи.

Я застыла. Не от благодарности. От шока.

Ткань была тяжелой, теплой, пахнувшей им, дымом и ночью. Плащ сразу скрыл мое полупрозрачное платье, голые руки, колени, все то, чем они торговали перед залом последние полчаса.

Зал снова загудел. Кто-то, кажется, удивленно. Кто-то — недовольно. Кто-то — насмешливо.

Арканар не обратил на это ни малейшего внимания.

Он взял меня за локоть. Не грубо. Но так, что стало ясно: вырваться я не смогу.

— Идем.

Я должна была сопротивляться. Должна была попытаться ударить, вырваться, закричать, сделать хоть что-то, чтобы не идти с ним так, будто уже смирилась.

Но правда была слишком мерзкой.

Из всех мужчин в этом зале именно рядом с ним мне впервые стало не стыдно за собственную полуобнаженность.

Это не делало его добрым.

Это делало его еще страшнее.

Мы шли через зал в тишине. Точнее, в той ее разновидности, когда вокруг слышны шаги, шепот, движение ткани, звон бокалов, но все это уже теряет значение, потому что воздух собирается вокруг одной фигуры.

У дверей я все-таки остановилась.

— Если ты думаешь, что я сломаюсь, то ошибаешься, — сказала я, не глядя на него.

Арканар тоже остановился. Наклонился чуть ближе. И его голос коснулся моего уха, как жар от открытого пламени.

— Я не покупал тебя ради покорности, Хранительница.

Я медленно повернула голову.

— Тогда ради чего?

Он посмотрел так, что у меня под ребрами что-то резко сжалось.

— Ради огня.

И вывел меня из зала.

На улице было холодно. Ночной воздух резанул лицо, как вода после бреда. У подножия лестницы нас ждал черный экипаж без гербов, запряженный не лошадьми, а двумя низкими, тяжелыми ящерами с костяными гребнями вдоль хребта. Я слышала о таких. Вулканические твари. Быстрые. Злые. Выносливые.

Значит, путь будет долгим. Или очень плохим.

Арканар помог мне подняться внутрь. Снова без показ-

ной грубости. Без “я уже купил, значит, имею право”. Просто так, будто мое тело уже автоматически входит в зону его ответственности.

Ненавижу.

Я села у дальнего окна, подтянув плащ плотнее к себе. Он устроился напротив. Пространства между нами было достаточно, чтобы не касаться друг друга, и слишком мало, чтобы забыть, кто именно сейчас увозит меня в неизвестность.

Экипаж тронулся резко.

Несколько минут мы ехали молча.

Потом я не выдержала:

— Куда ты меня везешь?

Он не ответил сразу. Смотрел в окно, словно вопрос был слишком очевидным, чтобы заслужить мгновенную реакцию.

— Домой, — сказал он наконец.

Я коротко, зло рассмеялась.

— В твоём случае это слово звучит как приговор.

— Привыкай.

Я стиснула зубы.

— Я не твоя рабыня.

Он перевел взгляд на меня. Спокойный. Темный. Пугающе собранный.

— Нет, — сказал он. — Рабынь покупают для удовольствия, труда или забавы. Ты мне нужна для другого.

У меня внутри все похолодело.

— Для наследника? — бросила я.

Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Да.

Вот так. Без смущения. Без красивой лжи. Без попытки завернуть это в мягкость.

Я отвернулась к окну, потому что если еще секунду посмотрю на него, либо плюну в лицо снова, либо совершу что-то еще более безрассудное.

За стеклом ночь становилась все темнее, а город все дальше.

— Тогда ты ошибся дважды, — сказала я тихо. — Во-первых, я не собираюсь рожать от мужчины, который купил меня на торгах. Во-вторых, моя магия не работает под принуждением.

— Работает, — спокойно ответил он.

Я резко посмотрела на него.

— Что?

— Твоя магия работает. Вопрос только в цене.

— Ты ничего не знаешь о моем даре.

— Я знаю достаточно, чтобы заплатить за тебя пять миллионов и привезти сюда лично.

Тишина. Грязная. Тяжелая. И почему-то еще более невыносимая от того, что он снова не повысил голос.

Я вдруг очень ясно поняла: Арканар опасен не потому, что жесток. Опасен потому, что уверен. В себе. Во мне. В том, что он может довести любое начатое до конца, даже если для

этого придется сломать весь мир вокруг.

— Я скорее сгорю, чем подчинюсь тебе, — прошептала я.

Он слегка подался вперед. Не слишком. Но достаточно, чтобы весь тесный мрак экипажа стал будто плотнее.

— Тогда сгорим оба, — сказал он.

И именно в эту секунду где-то очень глубоко, под страхом, под яростью, под унижением и желанием вцепиться ему в лицо ногтями, во мне шевельнулось нечто куда более опасное.

Предчувствие.

Не любви. Не страсти. Не надежды.

Катастрофы.

И, глядя в темные глаза Черного Лорда, я уже знала: эта ночь была не концом моей свободы.

Она была началом войны, из которой живыми мы, возможно, уже не выйдем прежними.

Глава 2. Черный Лорд

Мы покинули город до рассвета.

Сначала экипаж шел по каменной дороге быстро и ровно, потом мостовая закончилась, и под колесами зашуршала жесткая земля. За окном тьма постепенно редела, но легче от этого не становилось. Мир за стеклом только сильнее показывал, как далеко меня увозят от всего, что еще вчера казалось привычным. Редкие огни, голые деревья, темные холмы, ленты дорог, за которыми уже не было ничего моего.

Я сидела, завернувшись в его плащ, и ненавидела даже это.

Не потому что ткань была тяжелой или пахла им. Хуже. Потому что плащ действительно согревал. А я не хотела принимать от Арканара ничего, что хоть отдаленно напоминало заботу.

Забота в его руках была бы еще одной формой клетки.

Он молчал почти весь путь. И это тоже было плохо. Потому что у меня не оставалось ничего, кроме собственных мыслей и его присутствия напротив. Я видела его в полумраке экипажа слишком отчетливо: длинные пальцы на подлокотнике, тяжелый разворот плеч, спокойное, почти каменное лицо человека, который не нуждается в лишних словах, чтобы удерживать пространство под собой.

Иногда я ловила на себе его взгляд.

Не жадный.

Не похотливый.

Оценивающий.

Как будто он уже мысленно перебирал все формы моего сопротивления и решал, какую из них ломать первой.

Ненавижу.

На рассвете я не выдержала.

— Ты всегда так смотришь на вещи, которые покупаешь?

— спросила я.

Он не ответил сразу.

Повернул голову, посмотрел мне в лицо и только потом сказал:

— Ты не вещь.

— Какое облегчение. Значит, пять миллионов ты заплатил просто из любви к красивым жестам.

— Нет.

— Тогда не делай вид, будто разница есть.

Его взгляд стал тяжелее.

— Есть.

— В чем именно?

Он чуть подался вперед.

Совсем немного. Но в тесноте экипажа этого хватило, чтобы воздух снова стал плотнее.

— В том, что вещи не спорят со мной так, как споришь ты.

Я усмехнулась.

— Значит, тебе просто дорого обошлась новая игрушка.

Уголок его рта дрогнул. Не улыбка. Что-то ближе к опасному интересу.

— Если бы ты была игрушкой, Хранительница, я бы уже потерял к тебе интерес.

Тишина.

Грязная, неудобная, как и все с ним.

Потому что в этих словах не было ни мягкости, ни красивого соблазнения. Только очень мужская, очень неприятная правда о том, что он действительно купил меня не ради каприза.

— Тогда ради чего? — снова спросила я.

— Я уже ответил.

— Нет. Ты сказал “ради огня”. Это не ответ. Это фраза, после которой удобно выглядеть таинственным чудовищем.

Он вдруг рассмеялся.

Тихо. Низко.

И от этого мне стало еще не по себе. Не потому что смех был приятным. Потому что до этого момента я не представляла его способным на звук, в котором нет ни угрозы, ни приказа.

— Ты слишком быстро судишь, — сказал Арканар.

— А ты слишком быстро решил, что можешь мной распоряжаться.

— Я не решал. Я уже сделал это.

Вот и все.

Опять.

Каждый раз, когда мне начинало казаться, будто в нем есть трещина, через которую можно ударить в человека, а не в лорда, он возвращался к этой невозможной уверенности, от которой хотелось или вцепиться ему в лицо, или выпрыгнуть из экипажа на полном ходу.

Я отвернулась к окну.

Снаружи уже рассвело окончательно. Дорога уходила все выше, сквозь черные скалы и серые плато. Чем дальше мы ехали, тем меньше вокруг становилось жизни. Только ветер, голый камень и редкие деревья, искривленные так, будто даже земля здесь давно привыкла выживать, а не расти.

— Где твой замок? — спросила я.

— Там, где людям не нравится задерживаться.

— Какая неожиданность.

— Тебя это пугает?

Я повернулась.

— Нет. Меня пугает только одно.

— Что именно?

— Что ты действительно думаешь, будто я когда-нибудь стану частью твоего мира добровольно.

На этот раз он не улыбнулся даже глазами.

Просто посмотрел так, что у меня под кожей снова пошел холод.

— Станешь, — сказал он.

— Никогда.

— Посмотрим.

— Ты все время это повторяешь. Это что, единственное слово в твоём словаре, когда женщина говорит тебе “нет”?

— Нет.

— Тогда удиви меня.

Он выдержал паузу.

Потом произнес:

— Женщины обычно не говорят мне “нет” так долго.

Сволочь.

Потому что именно такие фразы и опаснее всего. Не грубая пошлость. Не дешёвая самоуверенность. А сухая мужская правда, в которой уже слышится: ты не такая, как остальные. И если бы любой другой сказал это, я бы решила, что он просто красиво открывает дверь в банальный соблазн.

Но Арканар не выглядел мужчиной, который разбрасывается такими вещами ради игры.

Он просто констатировал.

И это бесило сильнее.

Через какое-то время экипаж остановился.

Я вздрогнула и выглянула в окно.

Дальше дороги не было.

Только черная каменная площадка, край утеса и небо. Низкое, тяжелое, стального цвета. Внизу, далеко под нами, клубился темный туман, а где-то справа поднимался дым. Не костер. Не кузница. Что-то гораздо большее.

— Почему мы остановились? — спросила я.

— Потому что дальше ты поедешь не в экипаже.

Я медленно повернула голову.

— Что?

Он уже открыл дверь и вышел наружу. Холодный воздух ворвался внутрь мгновенно. Я на секунду зажмурилась, потом выбралась следом, прижимая плащ к груди.

Ветер здесь бил сильнее. Он пах серой, снегом и чем-то жженым, почти сладким, как воздух над раскаленным железом. Я сделала несколько шагов по площадке и только тогда увидела их.

Драконов.

Двое огромных черных зверей лежали чуть ниже на уступе скалы, прижав крылья к телу. Их чешуя в утреннем свете была не просто темной — она отливала сталью и огнем, как будто внутри под каждой пластиной тлела лава. Один из них поднял голову, и я увидела золотой вертикальный зрачок размером с мой кулак.

По позвоночнику прошел ледяной разряд.

Вот оно.

Настоящее.

Не легенды. Не книги. Не старые рассказы Хранительниц о великих временах. Живой дракон в нескольких шагах от меня.

И мужчина, который не просто стоит рядом с ним без страха, а принадлежит к тому же виду власти.

— Нет, — сказала я сразу.

Аркинар повернул голову.

— Что именно?

— Я туда не сяду.

— Сядешь.

— Нет.

Он подошел ближе.

— Ты говорила, что скорее сгоришь, чем подчинишься мне. Неужели высота пугает тебя сильнее?

— Не надо играть со мной в это.

— Тогда не давай повода.

Ненавижу.

Я сделала шаг назад.

Очень маленький.

Но он заметил.

Конечно.

— Я не полечу с тобой, — сказала я сквозь зубы.

— Полетишь.

— А если я откажусь?

Он остановился вплотную.

Слишком близко.

Так, что мне пришлось задирать подбородок, а ветер все равно не мог заглушить его голос.

— Тогда я посажу тебя в седло сам.

И вот тут мне впервые захотелось ударить его не из злости, а просто чтобы не чувствовать этого проклятого сплава страха и жара, который поднимается внутри всякий раз, когда он говорит с такой чудовищной уверенностью.

— Ты получаешь удовольствие от того, что пугаешь меня?

— спросила я тихо.

Он смотрел прямо.

— Нет.

— Ложь.

— Нет.

— Тогда что?

Пауза.

Очень короткая.

— Мне важно, чтобы ты поняла, с кем теперь связана твоя жизнь.

Вот после этого воздух как будто стал еще холоднее.

Потому что да. Это уже не было про дорогу. Не про высоту. Не про способ добраться до замка.

Это было про демонстрацию силы.

Очень мужскую.

Очень древнюю.

Очень драконью.

Покажи женщине не просто свой дом. Покажи ей масштаб того, что теперь ее окружает. Так, чтобы она заранее знала: сбежать — значит прыгнуть в пустоту.

Я посмотрела на дракона.

Потом на Арканара.

Потом снова вниз, туда, где туман скрывал бездну.

И ненавидела себя за то, что страх во мне был не чистым.

Рядом с ним он всегда почему-то оказывался смешан с

другим.

С ощущением, что я стою перед чем-то настолько огромным, что сопротивление уже не только гордость.

Почти вызов судьбе.

— Я тебя ненавижу, — сказала я.

Он подошел еще ближе, и голос его стал ниже.

— Хорошо.

— Что “хорошо”?

— Значит, у тебя еще есть силы.

Сволочь.

Я бы плюнула ему в лицо второй раз, если бы не знала, что это закончится только тем, что он сам посадит меня на этого дракона, прижав к себе так близко, как я сейчас не выдержу.

Пришлось выпрямиться и сказать:

— Если я упаду, ты останешься без своей Хранительницы.

— Ты не упадешь.

— Уверен?

— Да.

— Почему?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Потому что я держу крепко.

Господи.

Я почти задохнулась.

Не от смысла даже. От того, как это прозвучало.

Не как обещание заботы.

Как закон природы.

И, к несчастью, какая-то глубоко внутри меня часть сразу поверила, что да — этот мужчина действительно не даст мне сорваться, даже если я сама попытаюсь вырваться у него из рук в воздухе.

И именно это делало его страшнее любого откровенного чудовища.

Он взял меня за талию.

Я дернулась.

— Не трогай меня!

— Поздно.

— Арканар—

— Тихо.

Он поднял меня так легко, будто я весила не больше его плаща. Не грубо. Хуже. Уверенно. И в следующую секунду я уже сидела на черной спине дракона, вцепившись в выступы седла так сильно, что заболели пальцы.

— Ненавижу тебя, — выдохнула я.

Арканар запрыгнул сзади одним движением.

Его тело оказалось сразу за моей спиной — слишком близко, слишком горячо, слишком тяжелое мужское присутствие в точке, где мне и без того было страшно.

— Привыкай, Хранительница, — сказал он мне в ухо. — Это только начало.

Дракон поднялся.

У меня все внутри оборвалось.

Настояще.

Без красивых слов.

Без времени на вдох.

Он расправил крылья, и огромная черная тень накрыла скалу, экипаж, утес, весь мир подо мной. Я вцепилась в передний выступ так, что пальцы побелели.

— Если ты сейчас отпустишь меня—

— Я не отпущу.

И в ту же секунду дракон прыгнул вниз.

Я закричала.

Не стыдно. Не тихо. Так, как кричат люди, которые вдруг понимают, что земля исчезла.

Мир сорвался.

Воздух ударил в лицо. Желудок провалился куда-то вниз. Сердце остановилось, а потом забилось так дико, что, казалось, сейчас разорвет ребра. Под нами была бездна, туман, черный камень, дым. Потом крылья с глухим, чудовищным ударом раскрылись шире, и дракон понес нас вперед.

Я не заметила, в какой именно момент перестала дышать.

Только знала одно: руки Арканара уже держали меня крепче, чем секунду назад. Одна — поперек талии, вторая — на поводьях. Его грудь прижималась к моей спине, и это было почти невыносимо. Не только от страха. Оттого, насколько остро тело реагировало на мужское тепло именно в тот момент, когда разум должен был думать только о выживании.

Проклятье.

Ненавижу его.

Ненавижу себя.

Ненавижу это все.

— Дыши, — сказал он мне в ухо.

— Пошел ты к черту—

— Дыши.

Я вдохнула. Резко. Больно.

Еще раз.

Потом еще.

И только после этого смогла наконец открыть глаза нормально.

Под нами тянулся совсем другой мир.

Не равнины и дороги. Не города. Каменные плато, черные хребты, трещины с красным свечением глубоко внутри, как будто сама земля здесь была больной и раскаленной. Где-то вдалеке поднимались столбы дыма. Где-то двигались темные точки — возможно, другие драконы. Воздух был жестким, пахнул пеплом и снегом, и все вокруг выглядело так, будто богам однажды надоело делать эту землю удобной для людей.

— Где мы? — прошептала я.

— На моей земле.

— Она мертвая.

— Нет.

Я почувствовала, как его пальцы чуть сильнее сжались на моей талии.

— Она просто не любит слабых.

Вот так.

Конечно.

Даже земля у него должна была быть такой же, как он сам.

Через какое-то время страх действительно стал другим.

Не меньше. Но тише. Настолько, что я смогла смотреть по сторонам, а не только вниз или вперед.

И тогда увидела замок.

Он вырос из скалы, как будто не был построен, а родился из самого вулканического хребта. Черные башни, узкие окна, мосты над разломами, каменные террасы и свет, мерцающий глубоко внизу, где, кажется, текла открытая лава. Замок стоял на краю огромного вулканического цирка, и за его стенами поднимался столб дыма, уходящий прямо в серое небо.

У меня внутри что-то медленно похолодело.

Вот куда он меня вез.

Не в дворец. Не в крепость. В логово.

— Добро пожаловать домой, — сказал Арканар.

Я резко повернула голову, насколько позволяла его рука.

— Не называй это моим домом.

— Пока нет.

— Никогда.

— Посмотрим.

Дракон пошел на снижение.

Я стиснула зубы и больше не сказала ни слова.

Потому что спорить в воздухе с мужчиной, который, ка-

жется, и без того уже слышал каждую мою внутреннюю клятву сопротивления, было бессмысленно.

Мы приземлились на верхнюю площадку замка. Когда лапы дракона коснулись камня, меня почти затрясло от облегчения и унижения одновременно. Арканар прыгнул первым, потом снял меня вниз так же легко, как и посадил. Я сразу вырвалась из его рук и отступила на шаг.

Ветер трепал волосы. Внизу, в глубине двора, ходили люди в темной форме. Никто не кричал. Не бегал. Не суетился. Все здесь двигались так, будто давно привыкли жить рядом с существом, чье плохое настроение может стоять нескольких жизней.

— Это и есть твой мир? — спросила я.

— Да.

— Мрачновато даже для чудовища.

Уголок его рта дрогнул.

— А ты ждала сад с розами?

— Я ждала меньшего количества пепла и угроз в одном месте.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Привыкнешь.

— Нет.

— Тогда сломаешься.

Я вскинула подбородок.

— Ошибаешься.

Он шагнул ближе. Совсем немного.

— Нет, Хранительница. Или ты привыкнешь к моему миру. Или он начнет обжигать тебя так сильно, что ты сама попросишь о том, чему сейчас сопротивляешься.

У меня пересохло во рту.

Потому что я уже не понимала до конца, о чем именно он говорит.

О замке.

О своей власти.

О теле.

О нас.

И хуже всего было то, что, кажется, он прекрасно знал: двусмысленность сейчас куда страшнее прямой угрозы.

— Я никогда ничего у тебя не попрошу, — сказала я тихо.

Он смотрел мне прямо в глаза.

— Посмотрим.

Потом развернулся и бросил через плечо:

— Идем. Покажу тебе, где ты будешь жить.

Я стояла еще секунду, глядя на его спину.

На дракона за нашими спинами.

На замок, выросший из огня и черного камня.

На дым над вулканом.

И уже знала: Черный Лорд не просто купил меня.

Он привез меня туда, где все — воздух, стены, земля и небо — будет работать на него.

Прекрасно.

Значит, ломать мне придется не одного мужчину.

Целый его мир.

Глава 3. Замок на краю вулкана

Замок встретил меня не как гостю.

И не как пленницу в привычном человеческом смысле.

Хуже.

Как будто сам воздух здесь уже заранее знал, что я принадлежу не себе.

Каменные галереи уходили вглубь скалы, тяжелые арки терялись в полумраке, факелы горели синим огнем, не дававшим тепла, а только подчеркивавшим, насколько все вокруг чужое. Под ногами лежал черный гладкий камень, отполированный так, будто по нему веками ходили сапоги, кровь и власть. Где-то далеко внизу гудело что-то глубокое, почти живое. Не ветер. Не вода. Вулкан.

Я шла за Арканаром, не потому что хотела.

Потому что в первые минуты в чужом логове любой лишний рывок — это подарок хозяину.

А я не собиралась делать ему таких подарков.

По обе стороны коридора стояли люди. Слуги. Воины. Женщины в темной одежде. Мужчины с короткими мечами у пояса. Все они опускали головы, когда Арканар проходил мимо. Не театрально. Не подобострастно. Почти инстинктивно. Так склоняются не перед титулом. Перед силой, которая давно перестала нуждаться в подтверждении.

Ненавижу мужчин, рядом с которыми даже стены будто

дышат в том же ритме, что и они.

Аркинар не оборачивался.

И это бесило сильнее всего. Как будто уже и так знал: я не побегу, не ударю, не кинусь на первого стража с бессмысленной храбростью. Он заранее видел мой расчет. И заранее встраивал его в собственное спокойствие.

— Ты всегда так любишь производить впечатление? — спросила я, когда мы поднялись по широкой лестнице, откуда открывался вид на внутренний двор и черную расщелину за стенами замка.

Он не остановился.

— Нет.

— Тогда почему мне кажется, что меня ведут не в комнаты, а в пасть очень самодовольного чудовища?

— Потому что у тебя неплохой инстинкт.

Сволочь.

Он мог бы спорить. Мог бы сделать вид, что я преувеличиваю. Мог бы бросить в ответ что-то высокомерное. Но нет. Он всегда выбирал ту степень правды, после которой спорить становилось еще неприятнее.

Мы прошли длинную галерею с высокими окнами. За стеклом виднелся край вулканического обрыва и темное небо, будто придавленное к земле дымом. Внизу, между скал, тянулись мосты из черного камня, а под ними местами вспыхивал красный свет, как если бы сама земля дышала огнем.

— Здесь нельзя жить, — сказала я.

Арканар наконец остановился и посмотрел на меня.

— Люди так говорят о многом, чего боятся.

— Нет. Люди так говорят о местах, где даже боги однажды решили больше не ночевать.

Уголок его губ дрогнул.

— А ты уже решила, что сильнее богов?

— Нет. Просто у меня достаточно ума отличать дом от проклятия.

Он шагнул ближе.

Совсем немного.

Но, как всегда, этого хватило, чтобы пространство сразу стало уже.

— Не путай проклятие и власть, Хранительница.

— У тебя все очень удобно называется властью.

— А у тебя все, что пугает, сразу становится клеткой.

Удар.

Точный.

Я ненавидела это в нем больше всего. Не грубость. Не приказы. Не чудовищную самоуверенность. А то, как быстро он уже начал находить мои болевые точки.

— Не льсти себе, — сказала я холодно. — Меня пугаешь не ты. Меня пугает только мысль, что в этом замке кто-то вообще умудряется дышать добровольно.

Он посмотрел долго. Слишком внимательно.

Потом отвернулся и пошел дальше.

— Тогда постарайся не задохнуться в первую же ночь.

Мы вышли в широкий круглый зал. Потолок терялся где-то высоко в дымном свете. По кругу стояли колонны, черные, как обугленные стволы древних деревьев, а между ними висели металлические цепи с чашами живого пламени. В центре зала мозаикой было выложено огромное драконье сердце — расколотое, с красной жилой, идущей через камень.

Я замедлила шаг.

Вот оно.

Настоящее.

Не просто мужская мрачная эстетика и не дорогая угрожающая архитектура.

Этот замок действительно был построен вокруг одной идеи — жизни, застрявшей между огнем и камнем.

— Что это? — спросила я, сама не заметив, как голос стал тише.

— Сердце рода, — ответил Арканар.

Я перевела взгляд на него.

— Ты серьезно?

— Да.

— Это не символ.

— Нет.

Я подошла ближе к мозаике. От нее исходило слабое тепло. Не от пламени вокруг. Изнутри. Тонкое, почти болезненное. Я опустила на корточки и, сама не понимая зачем, протянула пальцы к темной жиле в центре каменного рисунка.

— Не трогай, — резко сказал он.

Я замерла в миллиметре от поверхности.

Потом медленно подняла голову.

— Боишься?

— Да.

Вот так.

Без колебаний.

Без красивой мужской лжи про “осторожность” и “ритуал”.

И именно это заставило меня выпрямиться.

Потому что, если Арканар чего-то боялся, значит, дело действительно шло глубже простых угроз.

— Почему?

Он подошел ко мне.

На этот раз тише, чем обычно.

— Потому что ты Хранительница. А сердце рода давно не должно было реагировать ни на что живое.

У меня по коже прошел холод.

— То есть это... настоящее?

— Когда-то было.

— А сейчас?

Его взгляд стал тяжелее.

— Сейчас оно почти мертво.

Тишина.

Слишком густая.

Я посмотрела снова на расколотое драконье сердце в кам-

не и вдруг поняла: вот зачем он меня купил на самом деле. Не только наследник. Не только кровь. Не только властная прихоть Черного Лорда, решившего получить редчайшую женщину этого мира.

Он умирал.

Не телом.

Своим родом.

Своей линией.

Своим огнем.

И, возможно, самой той частью мира, которая давала ему право быть тем, кем он был.

Это не делало его менее опасным.

Но впервые придавало его жестокости форму, которая выходила за пределы банальной мужской жажды владеть.

— И ты думаешь, что моя кровь это оживит? — спросила я.

— Я не думаю.

— А что тогда?

— Я знаю.

Конечно.

Он всегда все знает.

— Какая жалость, что у тебя так мало уважения к согласию женщины, от которой зависит твое “знаю”, — сказала я.

Теперь его лицо действительно стало жестче.

— А у тебя слишком много сил уходит на то, чтобы делать вид, будто ты не понимаешь масштаб происходящего.

— Я прекрасно понимаю масштаб. Именно поэтому и не собираюсь становиться частью твоего ритуального скотного двора добровольно.

— Ты не скот.

— Для мужчины, который купил меня, разница не слишком велика.

Это попало.

Не так, как мне хотелось бы. Не в ярость. Глубже. Я увидела по тому, как он на секунду замолчал.

И именно в эту секунду в зал вошла женщина.

Высокая. Худая. Лет сорока. В темном платье без единого украшения. Лицо острое, собранное, слишком спокойное для простой служанки. Она остановилась у колонны и склонила голову.

— Мой лорд. Комнаты готовы.

Арканар не отвел от меня взгляда.

— Хорошо. Лира, это Хранительница. Она останется в восточном крыле. Без моего разрешения туда никто не входит.

Женщина подняла глаза на меня.

И вот это мне не понравилось сразу.

Не враждебность.

Хуже.

Слишком быстрое понимание.

Она не смотрела как на новую рабыню. Она смотрела как человек, который мгновенно оценивает, насколько дорого эта женщина обойдется замку.

— Следуйте за мной, госпожа, — сказала она.

Госпожа.

Какая издевательская роскошь.

— Я сама найду дорогу, — ответила я.

Лира даже не моргнула.

— Боюсь, нет.

— Боитесь?

— Да. Здесь легко умереть, свернув не туда.

Господи, ну конечно. Даже проводницы в этом месте говорят как часть общей угрозы.

Я уже собиралась бросить что-нибудь едкое, когда Арканар произнес:

— Иди с ней.

— Как трогательно. Ты уже распределяешь меня по этажам?

— Да.

— И если я скажу “нет”?

Он подошел вплотную.

Так близко, что я почувствовала жар его тела даже сквозь ткань плаща.

— Тогда я сам отведу тебя в комнату. На руках, если потребуется.

У меня пересохло во рту.

Потому что я ему поверила.

И хуже всего — поверила не как женщина, которой это приятно. Как та, что слишком ясно понимает, насколько бук-

важно он это имеет в виду.

— Ненавижу тебя, — выдохнула я.

— Прекрасно. Значит, силы еще есть.

Сволочь.

Я резко отвернулась и пошла за Лирой.

Восточное крыло оказалось почти отдельным миром внутри замка. Уже не официальная мрачность большого зала, а тихая, опасная роскошь. Узкие коридоры, темные гобелены с драконами, металлические двери, глубокие ниши с огнем. Здесь было теплее. И тише. Слишком. Как будто само крыло существовало не для жизни, а для содержания чего-то очень ценного и очень неудобного.

— Это тюрьма? — спросила я, когда Лира открыла последнюю дверь.

— Это лучшие покои замка.

— Не вижу противоречия.

Она впервые позволила себе слабую тень эмоции. Не улыбку. Что-то ближе к признанию моей точности.

Комната была огромной. Высокие окна с видом на вулканический обрыв, тяжелая кровать под темным балдахином, кресла у камина, ванна за резной перегородкой, шкафы, стол, книги, даже ваза с белыми цветами, которые совершенно не вязались с этим черным местом.

Я замерла на пороге.

Красиво.

Слишком.

И именно поэтому еще подозрительнее.

— Ты сейчас скажешь, что мне здесь будет удобно? — спросила я.

— Нет, — ответила Лира. — Удобно вам не будет нигде, пока вы не примете, где оказались.

Я медленно повернулась к ней.

— А ты всегда так честна с женщинами, которых покупает твой хозяин?

Она выдержала мой взгляд.

— Мой лорд никого не покупает без причины.

— Потрясающее оправдание.

— Это не оправдание. Это то, что здесь считают фактом.

Тишина.

Я подошла к окну и посмотрела вниз. Вулкан дышал где-то в темноте. Красный свет из трещин временами вспыхивал сильнее, и тогда казалось, будто сам замок стоит на медленно бьющемся сердце.

— А что считают фактом обо мне? — спросила я.

Лира молчала несколько секунд.

— Что вы измените этот дом.

Я резко повернулась.

— Какое поэтичное суеверие.

— Это не суеверие.

— Тогда что?

— Все в замке почувствовали, когда вы вошли.

По спине прошел холодок.

Не потому что я поверила.

Потому что слишком многое в этом месте уже и без того казалось живым не там, где должно.

Лира опустила голову.

— Вам принесут одежду, воду и еду. На ночь дверь не запирают.

Я прищурилась.

— Какая щедрость.

— Снаружи все равно три поста охраны.

— Вот теперь звучит честнее.

Она вышла, оставив меня одну.

Я стояла посреди комнаты и не двигалась несколько секунд. Потом медленно сняла его плащ.

Ткань скользнула по плечам, и мне сразу стало холоднее.

Ненавижу.

Я не хотела замечать, как быстро тело запоминает чужое тепло, особенно если это тепло принадлежит мужчине, которого я должна бояться, презирать и никогда не впускать под кожу.

На кровати уже лежало несколько платьев. Темных, дорогих, идеально сшитых. Конечно. Даже это он предусмотрел заранее.

Проклятье.

Значит, купил меня — и сразу подготовил место.

Не спонтанное решение.

Не приступ безумия.

План.

Большой, холодный, мужской план, в котором мне отвели роль задолго до того, как я плюнула аукционисту в лицо.

Я подошла к столу, увидела поднос с едой, но есть не смогла. Только налила себе воды и залпом выпила половину бокала.

Потом услышала, как дверь открывается.

Я резко обернулась.

Арканар вошел без стука.

Разумеется.

Как будто весь мир должен был заранее принять, что двери в его собственном замке для него не существуют.

— Ты не умеешь ждать? — спросила я.

— Нет.

— Я заметила.

Он прошел в комнату и огляделся так, будто проверял не мебель. Меня внутри нее.

— Здесь тебе будет безопасно.

Я чуть не поперхнулась воздухом.

— Что?

— Я сказал: здесь тебе будет безопасно.

— Ты правда считаешь, что мужчина, который купил женщину на аукционе и привез в замок на краю вулкана, имеет право произносить это слово без иронии?

Он остановился у стола.

— Да.

— Тогда у тебя проблемы со смыслом.

Его взгляд стал темнее.

— У тебя — с доверием.

Я рассмеялась.

На этот раз искренне.

Зло.

— Как неожиданно. И почему бы это?

Он подошел ближе. Слишком близко для человека, который якобы пришел просто проверить, все ли готово в комнате.

— Потому что ты смотришь на меня так, будто я уже собираюсь взять тебя силой.

Я вскинула подбородок.

— А разве нет?

Тишина.

Потом он сказал:

— Нет.

Я не поверила.

Разумеется.

И, кажется, он это тоже увидел.

— Я не трону тебя без необходимости, — произнес Арканар.

Вот после этой фразы у меня внутри все обдало таким ледяным бешенством, что даже пальцы онемели.

— Без необходимости? — переспросила я тихо.

Он понял сразу.

Конечно.

Но не отступил.

— Для ритуалов, — сказал он ровно. — Для крови. Для связи. Для наследника. Но не потому, что мне вдруг захотелось доказать себе власть грубостью.

Тишина в комнате стала тяжелой, как камень.

Я смотрела на него и понимала главное: Арканар не лгал.

И именно поэтому хотелось ударить его сильнее.

Потому что иногда мужская прямота звучит хуже любой грязной угрозы.

— Выйди, — сказала я.

— Хранительница—

— Выйди.

Он смотрел слишком долго.

Потом кивнул.

Один раз.

И развернулся к двери.

Уже на пороге остановился.

— Завтра ты увидишь замок при свете дня.

— Потрясающая честь.

— Нет. Не честь.

Он повернул голову.

— Я хочу, чтобы ты поняла, где именно будешь сопротивляться мне.

И ушел.

Дверь закрылась.

Я осталась одна посреди комнаты, сгорая от злости, унижения и той опасной, почти больной ясности, что этот мужчина не просто купил меня.

Он действительно собирался сделать меня частью своего мира.

Не любовницей.

Не игрушкой.

Не временной пленницей.

Чем-то куда большим.

И именно поэтому мне придется ломать его не только в словах.

Во всем, что он уже считает своей неизбежной реальностью.

Глава 4. Подчинись или сгори

Ночь в замке оказалась хуже дороги.

В дороге был страх. Живой, прямой, понятный. Высота, дракон, чужой мужчина за спиной, бездна под ногами, новый мир, в который меня втащили без права выбора. С таким страхом хотя бы ясно, как обращаться: стискиваешь зубы, дышишь ровнее, не даешь телу выдать слабость и ждешь момента, когда можно будет ударить в ответ.

А здесь, в тишине чужой комнаты, пришло другое.

Сознание.

Я действительно внутри его мира. За черными стенами. Над раскаленной глубиной. В крыле, которое приготовили заранее. В одежде, выбранной не мной. Под охраной, которую даже не скрывают. С мужчиной, который говорит о моей крови, теле и будущем так, будто давно уже вписал все это в свою волю и теперь просто дает мне время догнать неизбежное.

Ненавижу.

Я почти не спала. Сначала стояла у окна и смотрела в черноту за стеклом, где время от времени вспыхивал красный жар, будто под замком ворочалось огромное полусонное сердце. Потом ходила по комнате, проверяя дверь, ширмы, шкафы, тяжелые шторы, рамы, скрытые ниши. Не из надежды на побег. Из принципа. Женщина, которую привезли в

клетку, обязана хотя бы знать ее конструкцию.

Окна оказались слишком узкими для взрослого человека. Балкон — декоративным, с отвесным обрывом сразу за перилами. Дверь не заперта, но коридор за ней пустовал только на первый взгляд: дважды за ночь я слышала тихие, почти бесшумные шаги за поворотом галереи. Значит, охрана действительно стояла так, чтобы не маячить в поле зрения, но и не дать мне забыть о себе.

Очень по-арканаровски.

Не орать о власти.

Встраивать ее в воздух.

Под утро я все-таки уснула на краю кровати, не раздеваясь, завернувшись в покрывало, как будто ткань могла защитить от самого факта, что этот замок уже медленно забирается мне под кожу через жар, дым и слишком тихую силу своего хозяина.

Разбудили меня не крики и не служанки.

Стук.

Три ровных удара в дверь.

Я открыла глаза мгновенно, как будто не спала вообще. В комнате уже было светло — серое, холодное утро, от которого черный камень стен становился не менее мрачным, а только честнее.

— Входи, — сказала я хрипло.

Дверь открылась, и вошла Лира. За ней — две молодые девушки с подносами. Одна несла одежду, другая — завтрак.

Никто не улыбался. Никто не делал вид, что я здесь по собственной воле. За это я готова была почти испытывать к ним уважение.

Почти.

— Мой лорд ждет вас через час в нижнем зале, — сказала Лира.

— Как трогательно. Он уже назначает мне утренние аудиенции.

— Он приказал не будить вас раньше.

Я вскинула брови.

— И это, по-вашему, должно меня растрогать?

Лира посмотрела ровно.

— Это должно показать вам, что здесь все будет происходить по его решению. Даже то, насколько долго вы спите.

Вот и все.

Одной фразой она вернула мне правильное чувство к происходящему.

Никаких иллюзий.

Никаких случайных удобств.

Даже редкая форма заботы в этом замке остается просто другой формой власти.

— Передай своему лорду, что я не одна из его женщин, чтобы бежать на зов по первому жесту.

— У моего лорда нет “одной из женщин”, — ответила Лира.

Я прищурилась.

— А вот это уже интересно.

Она не ответила. Развернулась к девушкам, коротко велела разложить одежду и еду, потом снова посмотрела на меня.

— Через час, госпожа.

— Не называй меня так.

— А как вас называть?

Я молчала секунду.

— По имени.

Лира чуть склонила голову.

— Как скажете... госпожа.

Сволочь.

Я почти улыбнулась, когда дверь закрылась.

Почти.

Потому что в следующую секунду взгляд упал на одежду, и улыбаться расхотелось.

На кресле лежало темно-красное платье. Закрытое. Дорогое. Слишком тяжелая ткань, слишком четкий крой, слишком явное понимание того, как должна выглядеть женщина рядом с хозяином черного замка. Ни рабская тряпка, ни роскошь любовницы. Что-то среднее. Что-то, что уже вписывает меня в его мир как значимую фигуру, даже если я сама еще не дала на это согласия.

Ненавижу мужчин, которые умеют думать на два шага вперед не только в бою, но и в том, как одеть женщину, чтобы ее собственное отражение начало работать на них.

Я подошла к подносу с завтраком. Хлеб, фрукты, сыр, го-

рячий чай. Все свежее. Все идеально.

Я села за стол и вдруг поняла, что действительно голодна. Слишком. Вчерашний аукцион, дорога, полет, весь этот проклятый замок — все сожрало силы, а я даже не заметила, как организм перешел в чистый режим выживания.

Есть пришлось быстро и зло, как будто я отбирала у этого места хоть что-то свое.

Потом я все-таки взяла платье.

И на секунду замерла перед зеркалом.

Темно-красный цвет делал кожу светлее. Волосы на его фоне казались почти серебристыми в тусклом утреннем свете. Горло открыто. Талия подчеркнута. Рукава длинные. Ни одной лишней вышивки. Никакого дешевого желания сделать из меня украшение. Только слишком умное, слишком точное понимание, как выглядит женщина, которую уже хотят видеть не сломленной, а принадлежащей определенному месту.

Я медленно провела ладонью по ткани.

— Нет, — сказала своему отражению. — Не обольщайся. Красивее клетка не стала свободой.

Через час я вышла из комнаты сама.

Без Лиры.

Без сопровождения.

И это, пожалуй, было единственным подарком, который я готова была принять как стратегический жест: Арканар не прислал за мной слуг, чтобы тащить вниз, как непокорную

добычу. Он дал мне возможность прийти самой.

Только вот и в этом чувствовался расчет.

Мужчинам его типа важно не просто сломать сопротивление. Им важно, чтобы женщина однажды начала двигаться в их сторону без толчка.

Нижний зал оказался не тем, где я вчера видела сердце рода. Этот был меньше, но еще мрачнее. Высокие узкие окна. Длинный черный стол. Карты на стенах. Металлические чаши с огнем. И запах — смесь дыма, железа и чего-то древнего, почти церемониального. Здесь не ели, не принимали гостей и не развлекались. Здесь решали.

Арканар уже был там.

Разумеется.

Он стоял у стола, опираясь ладонями о черный камень, и смотрел на развернутую карту. Сегодня на нем была темная рубашка без украшений, ремень на бедрах, высокие сапоги. Никакой мантии, никакой короны, никакой показной драконьей роскоши. И именно поэтому он выглядел опаснее. Как человек, которому не нужно напоминать о своем статусе внешними знаками.

Я вошла, и он сразу поднял голову.

Взгляд скользнул по мне — один быстрый, слишком точный проход от лица вниз и обратно.

— Тебе идет этот цвет, — сказал Арканар.

Я остановилась в нескольких шагах.

— Удивительно. А я-то думала, ты позвал меня обсуждать

цепи, аукционы и насильственное похищение.

— Это не похищение.

— Верно. Для похищения нужно сначала, чтобы женщина не была куплена как породистая кобыла.

Он смотрел молча.

Секунда.

Две.

Потом отодвинул от стола второй стул.

— Сядь.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне не нравится темп, в котором ты пытаешься сделать вид, будто у нас здесь уже нормальный разговор двух взрослых людей, а не встреча хозяина клетки и женщины, которую он вчера притащил внутрь.

Что-то в его лице едва заметно изменилось.

Не злость. Не раздражение.

Усталое понимание, что я не дам ему уйти в удобный деловой тон, пока сама не решу, что могу это терпеть.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда стоя.

— Уже лучше.

Аркинар выпрямился. Теперь мы смотрели друг на друга через стол, и это, пожалуй, было единственной приемлемой дистанцией в данной ситуации.

— Ты хочешь ответов, — произнес он.

— Ошибаешься. Я хочу выбор. Но раз его ты мне не оста-

вил, начнем хотя бы с ответов.

— Хорошо.

— Почему я здесь?

Он не отвел взгляд.

— Потому что ты последняя Хранительница.

— Это я уже слышала. Дальше.

— Потому что мой род умирает.

Тишина.

Я ожидала чего угодно. Высокомерия. Угрозы. Великой драконьей формулы про власть, наследие и кровь. Но не этой прямоты.

— Все кланы слабеют, — сказал Арканар. — Пламя тухнет. Сердца каменеют. Наследные линии рвутся. Молодые драконы рождаются слабыми или не рождаются вовсе. У других есть еще время. У меня — почти нет.

Я смотрела на него молча.

Потому что да — это было уже не о мужчине, который хочет красивую пленницу. Это было о правителе, которого загнали в угол вымирания.

Но жалости во мне не прибавилось.

— И ты решил, что хорошая идея — купить женщину, чью кровь можно использовать как инструмент? — спросила я.

— Не просто кровь.

— Неужели?

— Связь.

У меня по коже прошел холод.

Вот оно.

Мы наконец пришли туда, что стояло за всем с самого начала.

— Говори ясно, — сказала я тихо.

Арканар подошел к столу, взял что-то с темной ткани и протянул мне.

Это оказался осколок черного минерала, внутри которого мерцала красноватая жила, похожая на застывшую кровь.

— Сердечный камень, — сказал он. — Из внутреннего круга рода. Мертвый.

Я взяла его осторожно.

Минерал был теплым.

Слишком.

Как будто внутри него действительно что-то еще тлело.

— И?

— Если Хранительница истинной крови касается такого камня рядом с живым носителем линии, связь отзывается.

Я медленно подняла глаза.

— Ты сейчас говоришь о ритуале пробуждения.

— Да.

— Он не работает без согласия.

— Не всегда.

— Ты опять хочешь поспорить со мной о моем собственном даре?

— Нет. Я хочу, чтобы ты перестала упрощать происходящее до уровня “мужчина захотел женщину и придумал для

этого красивую легенду”.

Удар.

Точный.

И, к сожалению, не пустой.

Я ненавидела, когда он заставлял меня признавать, что сама иногда и правда упрощаю его в удобную для ярости форму.

— Хорошо, — сказала я. — Допустим, это не легенда. Допустим, твой род действительно умирает. Допустим, тебе нужна Хранительница. Где в этой прекрасной логике должна возникнуть мысль, что я добровольно захочу помочь мужчине, который купил меня на рынке рабов?

Он смотрел долго.

Потом ответил:

— Нигде.

Тишина.

Проклятье.

И вот опять.

Каждый раз, когда я готовилась встретить любовную мужскую тупость, он отвечал так, что спорить становилось сложнее.

— Тогда почему ты так уверен? — спросила я.

— Потому что у тебя тоже нет другого выхода.

Я сжала сердечный камень в пальцах.

— Объясни.

— Если мой род падет, за ним пойдут остальные. Когда

последний сильный огонь встанет, Хранительниц начнут резать на части уже не аукционами, а войнами. Тебя не просто продадут еще раз, Ева. Таких, как ты, начнут добывать по капле.

У меня все внутри медленно сжалось.

Не от слов. От того, насколько легко я поняла, что он прав.

Мир и без того уже дошел до аукциона.

Следующая стадия действительно будет хуже.

Гораздо.

— Ты называешь это выбором? — спросила я.

— Нет.

— А чем тогда?

Он подошел ближе.

Не обходя стол.

Просто сокращая расстояние между нашими голосами.

— Реальностью.

Ненавижу его.

Ненавижу, когда мужчина говорит правду так, что она звучит почти как захват.

— Значит, вот как это будет? — сказала я. — Ты будешь приносить мне куски реальности, пока я сама не устану спорить и не лягу под твою волю как под неизбежность?

Теперь он действительно стал жестче.

— Нет.

— А как тогда?

— Я дам тебе время понять, что ты уже внутри этого так

же глубоко, как и я.

Тишина.

Очень плохая.

Потому что это уже звучало не как сделка и не как приговор. Как долгий осознанный захват через правду.

— Тогда слушай меня внимательно, Арканар, — сказала я, кладя камень на стол. — Я не стану твоей покорной Хранительницей. Не стану твоей ритуальной самкой для наследника. Не стану женщиной, которая однажды посмотрит на этот замок и решит, что ей повезло жить у Черного Лорда под боком. Если тебе действительно нужен мой дар, ты очень быстро поймешь, что сломанная воля и пробужденное сердце — не одно и то же.

Он не шелохнулся.

Только взгляд стал темнее.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь.

— Знаю.

— Тогда зачем вчера на аукционе вел себя так, будто уже все решил?

Он приблизился еще на шаг.

Теперь стол перестал быть барьером. Только линия в пространстве, которую мы оба уже почти перестали уважать.

— Потому что на аукционе мне нужно было купить тебя, — сказал он тихо. — А не договориться.

Господи.

Вот оно.

Самое страшное в нем всегда было не то, что он давил.

А то, как он разделял стадии.

Там — купить.

Здесь — сломать сопротивление иначе.

— И что дальше? — спросила я, не узнавая собственный голос.

— Дальше все зависит от того, насколько быстро ты перестанешь видеть во мне только чудовище.

Я невольно усмехнулась.

— Как трогательно. То есть ты, Черный Лорд, властитель замка над вулканом, великий дракон, который покупает женщин на торгах, еще и хочешь быть понят правильно?

Уголок его рта дрогнул.

Не весело.

Почти устало.

— Нет. Я хочу, чтобы ты перестала тратить силы не на то.

— А на что мне их тратить? На принятие судьбы? На то, чтобы учиться красиво сидеть за твоим столом и рожать тебе наследников с правильным выражением лица?

Он подошел вплотную.

Слишком.

Мое сердце ударило так сильно, что я почти разозлилась на него за собственное тело.

— Подчинись или сгни, — сказал Арканар очень тихо.

Вот так.

Наконец.

Без оберток.

Без редкой честности.

Без разговоров о вымирающем роде и великих целях.

Чистая суть.

Ультиматум.

Я медленно подняла голову.

— Ты только что наконец заговорил как настоящий хозяин этого замка.

— Да.

— И думаешь, это меня испугает?

— Нет.

— Тогда зачем?

Он смотрел прямо в глаза.

— Потому что теперь ты хотя бы не сможешь сказать, что я прятал от тебя правила.

Тишина.

Бешеная.

Жгучая.

Почти интимная в своей жесткости.

Потому что между нами вдруг не осталось ни одного ложного слоя.

Он хочет подчинения.

Я скорее сгорю.

И оба это уже знают.

— Тогда слушай мои правила, — прошептала я. — Я не

стану твоей добровольной пленницей. Не стану женщиной, которая дрожит от твоего имени и за это благодарит судьбу. И если однажды твой замок действительно заставит меня сгореть, я постараюсь утащить тебя в огонь вместе с собой.

Я ожидала чего угодно.

Злости.

Угрозы.

Мужского смеха.

Но Арканар вдруг очень медленно провел большим пальцем по моей нижней губе.

Легко.

Слишком легко.

И от этого короткого, почти невесомого касания у меня внутри вспыхнуло нечто настолько резкое и опасное, что я на секунду перестала дышать.

— Вот за это, — сказал он низко, — я и заплатил пять миллионов.

Я отшатнулась.

Поздно.

Тело уже предало.

Жар под кожей, дрожь, бешеный удар сердца — все это случилось раньше, чем гордость успела сработать как следует.

Проклятье.

Проклятье.

Проклятье.

Он увидел.

Конечно.

И в этот момент я поняла: сегодняшний ультиматум был не только словами.

Он проверял другое.

Насколько быстро между ненавистью и той страшной, неправильной, почти телесной искрой, которую уже запускал одним голосом и взглядом, начнет стираться грань.

— Уходи, — сказала я хрипло.

Он не двинулся.

— Арканар.

— Нет.

Я вскинула подбородок.

— Что?

— Ты хотела правил. Вот они. Я не стану делать вид, что ты мне безразлична как женщина. И не стану делать вид, что мне нужен только наследник. Но пока ты не придешь ко мне сама, я не возьму тебя силой в свою постель.

Воздух кончился.

Просто кончился.

Потому что это было хуже всего.

Не грубое “я все равно тебя сломаю”.

Хуже.

“Я подожду, пока ты сама начнешь гореть в том же огне”.

— Самоуверенный ублюдок, — прошептала я.

— Возможно.

— И ты правда веришь, что это случится?

— Да.

— Почему?

Он наклонился ближе. Не касаясь.

Только голосом, жаром, собой.

— Потому что ты уже сейчас дрожишь не только от ненависти.

Сволочь.

Я ударила его.

По щеке.

Резко.

По-настоящему.

Звук вышел хлестким в тишине зала.

Он даже не моргнул.

Только медленно повернул голову обратно и снова посмотрел на меня.

— Лучше, — сказал он.

Я не поняла сразу.

— Что?

— Теперь ты снова похожа на себя.

Господи.

Я бы убила его, если бы могла.

Но, кажется, именно в этом и была главная проблема Арканара. Он не просто выдерживал сопротивление.

Он будто оживал от него.

— Вон, — сказала я.

Он кивнул.

— Хорошо.

Развернулся.

И уже у двери бросил через плечо:

— Сегодня вечером ты увидишь, почему этот замок живет так, как живет. После этого, возможно, начнешь злиться на меня чуть осмысленнее.

— Даже не мечтай.

Он не ответил.

Дверь закрылась.

Я осталась одна в зале, с бешено горящей щекой — не от его удара, от собственного, — с дрожащими пальцами и с ужасным пониманием: да, ультиматум прозвучал.

Подчинись или сгни.

И хуже всего, что огонь уже начался.

Не в замке.

Во мне.

Глава 5. Кровь Хранительницы

После разговора в нижнем зале я вернулась в свои покои не сразу.

Слишком быстро подняться к себе означало бы признать поражение. Как будто его ультиматум действительно вошел под кожу так глубоко, что мне понадобилось спастись стенами и дверьми. Нет. Я слишком хорошо знала цену мужскому самодовольству после правильно брошенной фразы. И Арканар был не тем мужчиной, которому стоило дарить подобное удовлетворение.

Поэтому я пошла в галерею над внутренним двором.

Там было холоднее, чем в жилых коридорах. Ветер тянулся сквозь высокие арки, запах серы и дыма поднимался снизу, а за каменными перилами лежал тот самый черный мир, который уже вторые сутки пытался внушить мне одну простую мысль: здесь все подчинено ему. Земля. Воздух. Люди. Огонь. Даже страх, казалось, в этом месте дышал по его правилам.

Ненавижу.

Я остановилась у перил и заставила себя выровнять дыхание.

Подчинись или сгни.

Сволочь.

Грубая мужская прямота должна была бы вызывать толь-

ко ярость. Но, к сожалению, Арканар умел делать хуже. Он всегда оставлял внутри своей жестокости каплю правды, и именно из-за этого каждая его угроза цеплялась глубже, чем хотелось бы.

Я смотрела вниз, во двор, где по черному камню проходили люди в темной форме, и вдруг услышала тихие шаги за спиной.

Не тяжелые. Не военные.

Лира.

Конечно.

Я даже не обернулась.

— Если пришла напомнить, что твой лорд привык получать желаемое, можешь сэкономить себе дыхание.

Она остановилась рядом.

Не слишком близко.

Умная женщина.

— Нет. Я пришла сказать, что ужин подадут позже. Сейчас вам лучше спуститься в северную башню.

Я медленно повернула голову.

— И почему же?

— Потому что мой лорд велел показать вам кое-что.

Я усмехнулась.

— Он слишком любит “показывать кое-что” женщине, которая еще даже не решила, стоит ли тратить на него ненависть в полном объеме.

Лира не отреагировала.

— Вам стоит увидеть.

— Это приказ?

— Нет.

— Тогда, возможно, я откажусь просто из вредности.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Откажитесь. Но тогда вы и дальше будете думать, что он купил вас только ради своего упрямства и наследника.

Тишина.

Вот так.

Точно.

Без вежливого обрамления.

Ненавижу людей в этом замке — все они почему-то разговаривают так, будто им с рождения выдали инструкцию, где колоть меня в самое чувствительное место.

— А разве нет? — спросила я холодно.

— Не только.

— Как загадочно.

— Нет. Как опасно.

Я молчала секунду.

Потом оттолкнулась от перил.

— Веди.

Северная башня оказалась совсем не похожей на жилые крылья замка. Уже не мрачная роскошь и не холодная парадность. Здесь камень был старше. Темнее. На стенах шли тонкие алые прожилки, будто кто-то когда-то влил под поверхность огонь и он до сих пор не остыл до конца. Мы под-

нимались по узкой винтовой лестнице, и чем выше, тем теплее становился воздух.

— Это тоже часть твоего “покажем пленнице, как у нас все красиво”? — спросила я.

— Нет, — ответила Лира. — Это место, куда редко водят посторонних.

— А я, значит, уже не посторонняя?

Она бросила на меня короткий взгляд.

— Именно это вам и не нравится больше всего.

Сволочь.

Даже спорить не стала.

Потому что она была права.

Наверху нас ждала круглая комната без мебели. Только камень, узкие окна и огромная железная чаша в центре, стоящая на массивном треножнике. Внутри чаши лежали темные кристаллы, похожие на окаменевшие куски сердца. Воздух здесь был тяжелым, густым, словно перед грозой. По коже сразу пошли мурашки.

Аркинар уже был в комнате.

Разумеется.

Он стоял у окна спиной к нам, и даже в этой неподвижности было что-то настолько собранное и внутренне опасное, что я инстинктивно замедлила шаг.

Лира остановилась у двери, склонила голову и вышла молча.

Вот это мне не понравилось сразу.

Очень.

Когда женщина уходит и оставляет тебя наедине с мужчиной в башне на краю вулкана, это редко предвещает что-то приличное.

— Я надеюсь, — сказала я, — что хотя бы сегодня ты не планируешь новых сюрпризов в духе “сейчас увидишь, как устроена твоя судьба”.

Арканар обернулся.

— Планирую.

— Какая неожиданность.

Он не подошел ближе.

Только посмотрел на меня так, будто уже заранее видел, как мне не понравится то, что будет дальше.

— Ты хотела знать, зачем ты здесь по-настоящему.

— Я хотела знать, почему ты решил, что можешь распоряжаться моей кровью.

— Это одно и то же.

Я скрестила руки на груди.

— Не для меня.

— Пока.

Господи, как же я ненавидела это его “пока”. Словно вся моя воля, ярость и сопротивление — просто временная стадия, которую его мир должен переждать.

— Говори уже, — бросила я.

Он подошел к чаше в центре комнаты и коснулся пальцами края металла.

— Это спящие сердечные камни моего рода.

Я перевела взгляд на кристаллы.

Теперь, когда он сказал, я увидела больше. Не просто минерал. Не просто странный камень. Каждый кусок внутри чаши действительно напоминал застывшее сердце — с трещинами, темными прожилками и алым тусклым свечением где-то глубоко внутри.

— И?

— Когда-то они откликались на зов Хранительниц.

— Когда-то, — повторила я. — До того, как мужчины вашего вида решили, что женщину с таким даром удобнее запереть, чем договариваться с ней.

Его взгляд потемнел.

— Это не имеет отношения к моему роду.

— Как трогательно. Значит, именно твой род всегда был образцом уважения к чужой воле?

Тишина.

Потом Арканар сказал:

— Подойди.

Я даже рассмеялась.

— Нет.

— Ева.

— Нет. Хватит с тебя приказов на сегодня.

Он медленно выдохнул.

Очень по-мужски. Очень опасно.

— Хорошо. Тогда слушай. Если спящие камни не отклик-

нутся в течение ближайшего цикла, линия Черного рода начнет осыпаться окончательно. Не только магия. Сердца. Пламя. Способность к полноценному обращению. Все.

— И ты ждешь, что это должно меня немедленно разжалобить?

— Нет. Я жду, что ты начнешь понимать масштаб.

— Я и так его понимаю. Просто мне пока не нравится то, как ты решил решать проблему.

Он кивнул.

— Справедливо.

Вот теперь я действительно замолчала.

Потому что да. Когда мужчина уровня Арканара говорит “справедливо” вместо привычного “неважно”, это действует сильнее, чем должно.

— Тогда зачем я здесь? — спросила я тише.

Он посмотрел на чашу.

Потом на меня.

— Потому что ты должна увидеть, что твоя кровь для меня — не редкий трофей. И не только путь к наследнику.

— А что тогда?

— Последний шанс.

Тишина.

Почти живая.

И именно от этой формулировки по коже снова прошел холод. Не потому что красиво. Потому что это было сказано слишком просто.

Я шагнула ближе к чаше сама.

Не к нему.

К кристаллам.

Воздух вокруг них действительно дрожал едва уловимо. Как над раскаленным железом. И чем ближе я подходила, тем сильнее поднималось в ладонях то старое, давно подавленное ощущение, которое я знала с детства.

Дар.

Кровь Хранительницы.

Она не любит, когда ее загоняют в клетки. Но узнает мертвое сердце всегда.

Я остановилась в полушаге от чаши.

— Если ты сейчас скажешь “коснись”, я ударю тебя канделябром, даже если мне придется сначала его здесь изобрести.

Аркинар не улыбнулся.

Но в глазах мелькнуло что-то почти человеческое.

— Не скажу.

— Уже лучше.

— Я попрошу.

Я медленно повернула голову.

Вот это было неожиданно.

Очень.

— Что?

— Коснись их.

И, Господи, как же странно это прозвучало в его голосе.

Не мягче. Не слабее. Просто иначе. Как будто даже такой мужчина, как он, понимал: некоторые вещи не берут приказом, если хотят получить не только результат, но и саму возможность его не разрушить.

— Почему? — спросила я.

— Потому что ты сама поймешь больше, чем я могу объяснить.

Тишина.

Я смотрела на него, потом на чашу, потом снова на него. Это могло быть манипуляцией.

Могло быть ловушкой.

Могло быть его очередной красиво выстроенной дорогой туда, где мне все труднее будет делать вид, будто я не вовлечена.

Но проблема была в другом.

Мне самой хотелось узнать.

Это и было хуже всего.

Я сняла перчатку с правой руки.

Медленно.

Ненавидя каждую секунду этого движения.

Потому что знала: как только коснусь сердечных камней, уже не смогу потом честно сказать, будто держалась в стороне не только от него, но и от его боли, рода, замка, всей этой проклятой мертвой магии.

— Один раз, — сказала я. — И только потому, что хочу сама понять, насколько ты не лжешь.

— Хорошо.

Я вытянула руку.

Пальцы зависли над первым кристаллом.

Ничего.

Только жар.

Потом я все-таки коснулась.

Мир не взорвался.

Комната не рухнула.

Ничего не вспыхнуло сразу.

Но в следующую секунду под кожей словно что-то щелкнуло.

Глубоко. В крови.

Дар отозвался так резко, что я ахнула и инстинктивно попыталась отдернуть руку.

Поздно.

Сердечный камень под моими пальцами вспыхнул изнутри алым светом. Не ярко. Больно.

Словно внутри него на мгновение открылся глаз.

Я зажмурилась.

И в эту секунду увидела то, чего видеть не должна была.

Огонь.

Черное небо.

Дракона, падающего с распоротым крылом в раскаленную пропасть.

Мужской рев, от которого дрожит сама скала.

И сердце.

Огромное.

Каменное.

Почти мертвое.

Я отшатнулась так резко, что врезалась спиной в Аркана-
ра.

Не потому что он стоял слишком близко.

Потому что уже успел подойти.

Его руки легли мне на плечи.

Жестко.

Но не удерживая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.